

АНДРЕЙ КОЗЫРЕВ

Вращение Земли

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

Андрей Козырев Вращение Земли. Избранные стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40488569

ISBN 9785449622624

Аннотация

«Андрей Козырев – поэт, умеющий сильно и глубоко чувствовать. Сквозь его душу проходят тревоги и боли всего мира... Это поэт, обладающий сильным, звучным, гибким и свободным голосом. Его лирика красочна и многоцветна...» – пишет известный критик Кирилл Анкудинов. В новом поэтическом сборнике Андрея Козырева представлена избранная лирика за 2003—2018 гг.

Содержание

Вместо предисловия	6
Вращение Земли	10
Прочное в сменах	12
Воробьиная ода	12
Чудак	14
Прочное в сменах	16
Запретный город	19
Красное на чёрном	21
«На Венецию падает снег...»	23
Памяти Евгения Евтушенко	25
Козырев – Кутилову	29
Не только о пиджаке	31
Гагарин	32
Георгий Иванов	34
Ухо Ван Гога	36
Прозвенело	39
Дервиш	41
Столпник	43
Йог	45
Рубаи мои	47
«У каждого свой Бог...»	49
О розах и ещё о чём-то	51
О себе	52

Пушкинский венок	53
Шестикрылый серафим	53
Рыцарь бедный	56
«В начале жизни школу помню я...»	59
Заклинание	61
Буря мглою	63
Бесы	65
Другу стихотворцу	68
Вереск цветёт	70
1 января 2017 года	70
Ничто	72
Вереск цветёт	74
Ночь на озере	76
Вкус земляники	77
Последнее тепло	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Вращение Земли Избранные стихи

Андрей Козырев

© Андрей Козырев, 2019

ISBN 978-5-4496-2262-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

«Андрей Козырев – стихотворец со сложившейся поэтикой, с определившимся взглядом на мир и бытие. Он нашёл свою и притом узнаваемую форму. Как правило, это небольшое стихотворение, сочетающее, в лучших его вещах, одновременно лирический, философский и не лишенный иронии взгляд на мир. Читать их – интересно, а этот критерий дорогого стоит. Я думаю, мы можем ожидать от него яркого продолжения начатого».

Алексей АЛЕХИН

«Мне кажется, что Андрей Козырев делает в стихах именно то, к чему я зову. Слова к нему льнут, и он помещает их туда, где им хорошо. «Вот потому и чувствует язык // во рту блаженный привкус русской речи, // что я к нему с годами не привык...» – это из прошлого тысячелетия, из моей самой первой публикации в журнале «Юность». С удивлением я читаю теперь у Андрея:

*Поговорим о том, с чем я знаком,
О том, что в мире ведомо немногим, —
О странном привкусе под языком.
О боли под лопаткой. И – о Боге.*

Он из немногих, кому это ведомо. У него свой голос,

у него лёгкое дыхание и, конечно, высокие амбиции. Что ж, как мне кажется, они правомерны».

Дмитрий БОБЫШЕВ

«Андрей Козырев создаёт картины эпические – и вместе с тем нежные, владея стихом разнообразно и могуче – от изысканных верлибров до тонко инструментованных больших стихотворений.

Эти последние особенно интересны – мысль в них ветвится, точно идёт астральными коридорами, недоступными обычному, непоэтическому оку, и ассоциации растут богато, расцвеченные пестротой радуги. Трамвай вполне может увезти в рай, расплёскивая по небу листки воспоминаний; а свой крепко-сибирский род вписан в протоплазму прапамяти, как сложные детали корейской игрушки – одна в другую, так, что не изъять... «Городской сон» логически вытекает из «Русского неба» – ибо, как бы велико оно не было, творящееся под ним чаще вызывает боль, а не радость.

Стих Андрея Козырева естественен и обладает стальной, стержневой силой, без которой текст превращается просто в нанизывание слов».

Александр БАЛТИН

«Андрей Козырев – поэт настоящий. Потому что жив он – речью. Потому что его слова – частицы речи. Потому что его стихи – существуют в стихии речи. Русской речи. Именно русской. Всеобъемлющей, уникальной, поистине гранди-

озной – по своим возможностям. Восприимчивой – и независимой. Строгой – и раскрепощённой. Щедрой на откровения. Сулящей постоянные открытия. Зовущей за собою – вперёд, вглубь и ввысь. Являющей собою – дар свыше. Свободной. Родной.

В стихах Козырева явь и фантазия, повседневность и мечта, тонкий лиризм и эпический размах, медитация и своеобразная игра, философские рассуждения и чудесный наив, деликатная ирония и максимальная искренность, пристальное внимание к деталям и смелые обобщения, жизненный опыт и желание осмыслить и выразить тайны бытия, да и многое другое, все компоненты его поэтики, весь арсенал его средств изображения, весь этот ясный свет, пронизывающий стихи, сохраняющий их, земной и небесный, весь этот строй, музыкальный, певучий, звучащий везде и всегда, весь этот мир, создаваемый в непрерывном движении, – существуют в неразрывном единстве».

Владимир АЛЕЙНИКОВ

«Книга Андрея Козырева «Вращение земли» показывает, что традиционная манера поэтического письма может быть яркой и перспективной. Козырев – безусловный поэт-традиционалист; формальные искания чужды ему. По своему складу Андрей Козырев близок поэтам-шестидесятникам поздней формации. В отличие от «эталонных шестидесятников», тяготевших к эпической поэзии, Андрей Козырев – преимущественно лирик (хотя создать крепкий эпический

текст он умеет).

Андрей Козырев – поэт, умеющий сильно и глубоко чувствовать. Сквозь его душу проходят тревоги и боли всего мира. Гражданские темы, природа, любовь, дружба, воспоминания о былом, религиозные переживания, современность и история, культурные события разных времён и народов – всё это находит отражение и выражение в проникновенной лирике Козырева.

Андрей Козырев не только чувствителен и чувственен. Он способен профессионально транслировать свои чувства. Это поэт, обладающий сильным, звучным, гибким и свободным голосом. Его лирика красочна и многоцветна. В то же время, она очень музыкальна; стихи поэта выверены в интонационном и просодическом планах. Андрею Козыреву присущ богатый словарный запас, который, никогда не выпячивается. Словоупотребление этого поэта всегда точно и уместно. Необходимо отметить ещё одно достоинство поэзии Андрея Козырева – естественность и вольность высказывания. Он никогда не говорит с напряжением или со стеснённостью; его речь льётся как широкий и уверенный поток...»

Кирилл АНКУДИНОВ

Вращение Земли

Фёдору Конюхову

Всё как обычно, жизнь есть вещь простая:
Не из корысти, а здоровья для
Я ем и пью, скучаю и гуляю,
А подо мной вращается Земля.

Всё как обычно, всё вокруг родное:
Простор и храм на звёздном берегу.
Земля так быстро мчится подо мною,
Что на ногах стоять я не могу.

Под звёздной голубою ерундою
Шумят леса и мчатся корабли.
Я вижу небо над и под собою,
По обе стороны большой Земли.

Башку сильнее кружит, чем от пьянства,
Когда, узнав, как глубина пьяна,
Я на планетке вверзился в пространство,
Где звёздам нет числа, а бездне — дна!

Вращаются циклические мысли,
Жизнь катит волны где-то там, вдали,

И надо с лодки слезть на дальнем мысе,
Чтоб ощутить вращение Земли.

Всё у тебя о'кей в житейском плане:
Проснуться в шесть, на завтрак полчасика...
А кто-то в лодке в Тихом океане
Читает Библию и смотрит в небеса.

А я сибирскою зарёю ранней,
Забыв про город, тонущий в пыли,
Лежу на сердце родины бескрайней
И слушаю вращение Земли.

Прочное в сменах

Воробьиная ода

Дмитрию Соснову

Неужели тебя мы забыли?
Для меня ты всегда всех живей —
Спутник детства, брат неба и пыли,
Друг потех и забав, воробей!

Ты щебечешь о небе, играя,
Неказистый комок высоты, —
Сверху – небо, внизу – пыль земная,
Между ними – лишь ветка да ты!

Как ты прыгаешь вдоль по России
На тонюсеньких веточках ног —
Серой пыли, особой стихии,
Еретик, демиург и пророк.

В оптимизме своем воробейском,
Непонятном горам и лесам,
Научился ты в щебете детском
Запрокидывать клюв к небесам.

Воробьиною кровью живее,
От мороза дрожа, словно дым,
Я, как ты, ворожу, воробею,
Не робею пред небом твоим.

И зимой, воробьясь вдохновенно,
Не заботясь, как жил и умру,
Я, как ты, воробынка вселенной,
Замерзая, дрожу на ветру...

Но, пока ты живёшь, чудо-птица,
На глухих пустырях бытия
Воробьится, двоится, троится
Воробейная правда твоя!

Чудак

Вспоминая Адия Кутилова...

Во мне живёт один чудак,
Его судьба – и смех, и грех,
Хоть не понять его никак —
Он понимает всё и всех.

Смуглее кожи смех его,
И волосы лохматей слов.
Он создал всё из ничего —
И жизнь, и слёзы, и любовь!

Из туч и птиц – его костюм,
А шляпа – спелая луна.
Он – богосмех, он – смехошум,
Он – стихонеба глубина!

Чудак чудес, в очках и без,
В пальто из птиц, в венке из пчёл,
Он вырос ливнем из небес,
Сквозь небо до земли дошёл!

Он благороден, как ишак.
С поклажей грешных дел моих
Он шествует, и что ни шаг —

И стих, и грех, и грех, и стих!

Он стоязык, как сладкий сон,
Как обморок стиха без дна.
Смеётся лишь по-русски он,
А плачет – на наречье сна.

Пророк вселенской чепухи,
Поэт прекрасного вранья,
Он пишет все мои стихи,
А после – их читаю я!

Он – человек, он – челомиг,
Он пишет строчки наших книг,
Он в голове живёт моей
И делает меня сильней!

Прочное в сменах

Александру Кушнеру

Рябина на ветру,
Рабыня всем ветрам,
Скажи, когда умру,
Скажи, что будет *там*.

Рябина на ветру,
Рубин живой души,
Верши свою игру,
Пляши, пляши, пляши!

Твори, твори, твори
Свой танец, свой испуг!
Воскресни, вновь умри
И оживи – для мук!

Листвы осенний пляс
Под собственный напев
Изобразит для нас
Наш страх, и боль, и гнев.

Упрям, устал, угрюм,
Иду в тени ветвей,
Не вслушиваясь в шум

Глухой судьбы своей.

Лечу я без следа,
Как суетливый снег,
Из жизни – в никуда —
За так – за миг – навек.

Манит запретный путь,
Хмельная тянет страсть
Устать, упасть, уснуть,
Забыть, убыть, пропасть.

Не вычитан из книг,
Непредсказуем бой.
Просторен каждый миг,
Наполненный собой.

Крепи, корявый ствол,
Мощей древесных мощь,
Чтоб дважды ты вошёл
В один и тот же дождь!

Не превратится в дым
Мой путь, мой след, мой труд,
Всё в жизни, что моим
На сей Земле зовут.

Рябина на ветру,
В крови, в огне, в заре,

Учи меня добру,
Учи меня игре,

Учи, как без труда
Прорваться – в монолит,
Туда, туда, туда,
Где мрамор и гранит,

Где боги и быки,
Где век и бег минут
В мои черновики,
В словесный рай, войдут.

...Огонь листвы во мгле,
Пробушевав свой век,
Приблизился к земле
И тело опроверг.

Созвездье русских слов
За гранью жития
Мне обещает кров,
Где отдохну и я.

Запретный город

Дмитрию Мельникову

В запретном городе моём,
В оазисе моём —
Аллеи, пальмы, водоём,
Просторный белый дом.

Туда вовеки не войдут
Ни страх, ни суета.
Там жизнь и суд, любовь и труд
Цветут в тени Креста.

Там тысячью горящих уст —
Лиловых, огневых —
Сиреневый глаголет куст
О мёртвых и живых.

Там полдень тих, там зной высок,
Там всё Господь хранит —
И прах, и пепел, и песок,
И мрамор, и гранит.

Там миллионы лет закат
Горит во весь свой пыл,
Там голубь осеняет сад

Шестёркой вещей крыл.

Дрожит в тени семи ветвей
Горящая вода,
И в дом без окон и дверей
Вхожу я без труда.

Там, в одиночестве моём,
Заполненном людьми,
Звучат сияющим ручьём
Слова моей любви.

Там огненно крылат закат,
Оттуда нет пути назад...
Но где они, не знает взгляд,
Ищу их вновь и вновь —
Запретный дом, запретный сад,
Запретную любовь.

Красное на чёрном

С утра до самой ночи
Твержу один мотив:
Мне страшное пророчит
Рябиновый надрыв.

Над Родиной моею
В крошечной русской тьме
Рябина пламенеет
На золотом холме.

Окрест неё сияет
Космическая мгла,
И пёс приبلудный лает
Из отчего угла.

Лежат на лунной кромке
Под шелестом ветвей
Мальчишки и девчонки
Рябиновых кровей.

Взахлёб, в жару и пыли,
Путём всяя земли
Мы шли и честь хранили,
Да вот – не сберегли.

В венце опричной славы,
В упрёк и в доблесть нам,
Медвежья кровь державы
Стекает по холмам.

Легко, огнеупорно,
Сияет на земле
Лишь красное на чёрном,
Лишь золото во мгле.

Как будто крови мало
Лилось за нас за всех...
И сил смотреть не стало,
И отвернуться – грех.

«На Венецию падает снег...»

На Венецию падает снег,
На Венецию сходит туман,
Будто весть от того, кого нет,
Будто тени ушедших славян.

И в каналах темнеет вода,
И фасады белеют во мгле,
И на небе не сыщешь следа
От стопы, что спешила ко мне.

Чёрным кружевом тонких дорог,
Белой пряжей снежинок седых
Так увлёкся назойливый Бог,
Что забыл о молитвах моих.

Только шёпот воды в темноте,
Только рябь исчезающих дней,
Только муза идёт по воде
С головою кровавой моей.

В наднебесной Венеции той,
Что парит над судьбою моей,
Бесконечный и мёртвый покой,
Бесконечная рябь серых дней.

Город-сон, парадиз небылиц,
Где покров беспорядочно-бел,
Только люди гуляют без лиц,
Отдыхают от дел и от тел.

От венедов остался лишь дым,
От венедов остался туман,
Только именем пришлым моим
Окликает их Марк-великан.

Город-сон, иллюзорный навек,
Смутно брезжит сквозь рябь серых стран...
На Венецию падает снег,
На Венецию сходит туман.

Памяти Евгения Евтушенко

Что ж, свершилось. Тает снег.
Умер сам Двадцатый век.
Значит, вот таков удел
Всех бессмертных в мире тел.

Ты идёшь к великим в даль —
Боговдохновенный враль,
Скоморох, пророк, поэт,
Уленшпигель наших лет.

Помню хмель твоей вины,
Острый взгляд из глубины,
Помню твой – сквозь морок лет —
Незлопамятный привет.

Скудный дар тебе дарю —
Тем же ритмом говорю,
Что Иосиф, милый враг,
Провожал певцов во мрак.

Этим шагом начат год.
Этим шагом смерть идёт.
Так шагает старый бог:
Раз – шажок, другой – шажок.

Шаг за шагом – в темноту,
За последнюю черту,
Где ни лжи, ни естества,
Лишь слова, слова, слова.

Ими правил ты, как бог.
Ты ломал себя, как слог,
Рифмой острой, как стилет,
Нервы рвал нам много лет.

Ты – мишень и ты же – цель,
Как Гагарин и Фидель.
Белла, Роберт и Булат
Ждут, когда к ним встанешь в ряд.

А тебя, – прости всех нас, —
Хоронили много раз.
Что ж, воитель и герой,
Умирать нам не впервой.

От твоих трудов и дней
Нам осталось, что видней —
Твой обманчивый успех,
Твой оскал, твой едкий смех.

То стилига, то герой,
Ты, меняясь, был собой —
Яд со сцены проливал,
Отравляя, исцелял.

Под задорный, острый взгляд
Мы глотали этот яд —
Вместе с миром и тобой,
Вместе с Богом и судьбой.

Ты – виновник всех растрат,
Жрец и рыцарь всех эстрад.
Ты горел, сжигал, сгорал,
Но скупым ты не бывал.

Что ж, обман твой удался.
Ты в бессмертье ворвался.
Всё простится за чертой
За надрыв и ропот твой,

За глухой тупик стиха,
За огонь и мрак зрачка,
За блистательность ошибки,
Черноту черновика.

Ты сейчас стоишь один
Средь заоблачных равнин —
Справа – свет, налево – тьма,
Снизу – Станция Зима.

Сценомирец, дай-то Бог,
Чтоб остался жгучим слог,
Чтоб талант твой не иссяк

На эстраде в небесах.

Что ж, прощай. Закрылась дверь.

Что осталось нам теперь?

Этот ритм – ать-и-два —

...и слова, слова, слова.

Козырев – Кутилову

Кутилов —

глазища тусклые.

Бродячая правда русская.

Смешная гордыня детская —

И красная кровь поэтская.

Солдатская прямота честная,

Нахлебникам неизвестная.

Сапсанья повадка хищная,

Для воина не излишняя...

Ни серости, ни ребячества!

Прочтёшь две строки — и плачется...

Кровь снова стихами мается...

— Кутилов! —

и речь срывается.

...Кутилов! Рисунки пёстрые.

И скифские скулы острые.

Не пасквилом, не пародией —

Ходил сквозняком по Родине.

Сквозняк всей Руси космической —

Сибирский поэт трагический!

Ты в небе зарыт без надобности —

— Земли тебе было мало бы!

Сияет зарёю гордою

Твой волчий прищур над городом.

Твой чёрт над судьбой богатырскою

Метелью метёт сибирскою:

«Сгоришь в цвету, не состаришься...»

А где ты сейчас мытаришься?

Не в адской ли чаше с серою?

– Кутилов воскресе!

– Верую!

Ты можешь отчалить в смерть, но я —

Твоя правота посмертная.

Хмельная, босая, вешняя —

Держава твоя нездешняя,

Козырная и кутящая —

Русь-матушка настоящая!

И отдано Богу – богово,

И отдано волку – логово.

Стихи не горят, поэтому —

Поэту дано

Поэтово.

Не только о пиджаке

Кто я такой? – Поэт. Брехун. Чудак.
Меня таким придумали – не вы ли?
Ромашками давно зарос пиджак.
И валенки грязны от звёздной пыли.

У времени прибой есть и отбой.
Я установлен, как закон, в природе, —
Не бегая за модой, быть собой,
Ведь солнце, не меняясь, вечно в моде.

Пусть дни текут, как чёрная волна!
А у меня – на берегу заката —
Среди волос запуталась луна,
А губы пахнут космосом и мятой.

Бог поцелует мне обуглил лоб,
И мне плевать, что обо мне болтают:
Какой неряха, чудик, остолоп, —
Пиджак цветёт, и валенки сияют!

Гагарин

Всё там было: красные знамёна,
Песни, танки, вольность и покой.
Звёзды над Кремлём чадили сонно,
А Гагарин помахал рукой...

Помахал – и улетел *за* небо,
В те края, пустые навсегда,
Где над нами – так до слёз нелепо —
Светится огромная звезда.

Вечером иду домой по скверу,
А в бездонном небе надо мной
Мраморные плачут пионеры
И Гагарин машет мне рукой.

Я теряю юность, счастье, веру,
Сам себя казню слепой строкой,
Но Господь глядит сквозь стратосферу,
И Гагарин машет мне рукой.

Кажется, настолько мир бездарен,
Что что хочешь можно совершить,
Только с неба машет мне Гагарин,
И ещё, наверно, можно жить.

Кем, кому, зачем я был подарен?
Сам не свой, ничей и ни при чём...
Только в небе светится Гагарин
И, яснея, машет мне лучом.

Георгий Иванов

Среди миров, в кольце враждебных станов,
Ничьим адептом я не прослыву.
Не видел я, как умирал Иванов,
А кажется, что вижу наяву:

Стихи в тетрадь записывая резво,
Куря, в пальто, заношенном до дыр,
Презрительно, язвительно и трезво
Смотрел на этот ядовитый мир.

Сутулясь, сам в себя свернувшись слепо,
Сложив себя в осьмушку, словно лист,
Он умирал, опасный и нелепый,
Бессмертный православный нигилист.

Ничей, одной лишь музыке послушный,
Он вслушивался в ритмы тёмных нот.
Стихи текли, угрюмо-равнодушны
К тому, что *их* поэт вот-вот умрёт.

Стихи текли, и музыка звучала,
И не прощали боги ничего,
И жизнь пошла на новый круг сначала,
Но не к нему, не к нам и без него.

Так! Жизнь прошла, но сердце не простило
Ту канитель, ту сладостную гниль, —
Любовь, что движет солнца и светила
И нас попутно обращает в пыль.

Ухо Ван Гога

1

Наш мир стоит на Боге и тревоге.
Наш мир стоит на жертве и жратве...
У жертвы, выбранной жрецами в боги,
Перевернулся космос в голове.

Его холстов бессмертные ошибки —
Зрочка безукоризненный каприз:
Плывёт над садом облако улыбки,
И в облаке струится кипарис.

Пылает ухо в пурпурном закате,
Кровь виноградников пьянее книг,
И пузырится звёздами хвостато
Ночного неба чёрный черновик.

Сухой голландец, тощий и небритый,
Сам для себя – дурдом, дурман и страх,
Взирает на подсолнечье с палитрой,
Сжимая трубку старую в зубах.

Он слышит сердцем звуки небосмеха,
Он ловит кистью Божий смехолуч,
И ухо отзывается, как эхо,

В ушах листвы и в раковинах туч.

Он совершит святое разгильдяйство —
Мазком к холсту прищипит высоту.
Джокондовское снится улыбайство
Подсолнухам, врисованным в мечту!

Звенит над храмом небо колокольно,
Чтоб нам зрачки от скуки протереть,
Но всё же вечно смотрим мы – невольно —
Туда, куда так больно нам смотреть!

Прозрачная идёт по склону лошадь,
И жалуется ей сквозь холст Ван Гог,
Что башмаки его устали слушать
Рассказы неоконченных дорог...

Творец в сверкальне сна полузеркален.
С холста струится солнечная кровь.
Мозг гения прозрачно гениален,
И сквозь мозги сквозит сквозняк богов!

2

Вот он идёт – не человек, – дурман,
Дурман небес, чудачества лекало.
Он пьян, давно упал бы он в бурьян,
Когда б за крылья небо не держало.

Он пьян, но не от нашего вина,
А от другого, – горше и суровей.
Кровь виноградников всегда красна,
Как солнце, конопатое от крови.

Он пил всю ночь глухой абсент легенд.
Полынный вкус небес во рту дымится.
Абсент легенд – священный элемент,
Он миражам даёт черты и лица!

А рано утром, только он проспится,
Увидит Бог, живой в его зрачке,
Как солнце сквозь подсолнухи струится,
Бушует, пляшет в каждом лепестке!

Пусть барабанит в жилах кровь-тревога,
Пусть грают птицы, небо вороша, —
Подсолнечье – вот небеса Ван Гога!
Подсолнухи звенят в его ушах!

Художество не худо. Всё – оттуда,
Где метеор – взамен карандашей.
Да, вот такая амплитуда чуда —
От неба до отрезанных ушей!

Прозвенело

*Прозвенело над ясной рекою.
Фет*

Прогремело под небом лиловым,
Полыхнуло в прозрачной листве,
Пронеслось в полумраке багровом,
Раздробилось в зелёной траве.

Растворилось в тиши заповедной,
Промелькнуло словцом в пустоте,
Стихотворною строчкой победной
Задержалось на белом листе.

Пронеслось над затихнувшим залом,
Пролилось неслучайной слезой,
Отпечаталось в сердце усталом,
Взорвалось в разговорах грозой.

Отложилось обидой глубокой,
Поползло стоязыкой молвой,
Зашумело стозевно, стооко,
Всколыхнулось восставшей толпой.

В сотне сплетен глухих отразилось,
Унесло и любовь, и покой,

В грудь поэта свинцово вонзилось
Белым утром над чёрной рекой.

По народам прошло возмущеньем,
Пролетело по миру войной,
Пронеслось алым всадником мщенья
Над голодной и нищей страной.

Заслонило сиянье рассвета,
Опалило и город, и дом,
И грибом поднялось над планетой,
И несмело затихло потом.

И – вспыхнуло под небом лиловым,
И – сверкнуло в истлевшей листве,
И – промчалось во мраке багровом,
И – рассеялось в чёрной траве.

Дервиш

Как безумец, на пороге рая,
Плача, хохоча, крича, любя,
Он вертелся, тлея, выкликая,
Пламя изгоняя из себя.

Он постиг все тайны без предела,
И, пронзив рассудок сей насквозь,
Позвоночник вышибив из тела,
Сквозь него прошла земная ось.

Что он в прежней жизни сделать мог бы,
Чей-то сын, хозяин и жених?
Он сошёл во тьму и трепет мозга,
Чтобы Бога выцедить из них.

А под ним – все всполохи и крики,
Наших пошлых жизней тьма и свет,
Всё, что мним мы низким и великим, —
Войны, троны, звёзды, бег планет...

Он кричал в безвыходное небо,
Тлея и от ужаса дымясь,
Что всё в мире криво и нелепо,
Что нужна нам всем *иная* связь...

Рай был перед ним распахнут грозно,
Но не смел он перейти порог
И плясал, вертелся, плакал слёзно,
И почти не ведал, кто он – Бог;

Бог же – крался линией пунктира
Сквозь пиры и пляски наших дней,
Выпрямляя злость и кривость мира
Непомерной кривизной Своей.

Столпник

Лишь одного хотел он: тишины.
А мир не затихал – кричал, сражался...
И он на высоченный столп взобрался,
Откуда звуки мира не слышны.

Лишь иногда взирал он вниз смиренно,
Где, время на часы пути деля,
Темнела вся большая ойкумена,
Вся плоская, постылая земля.

И всё грешно, и ничего не мило...
Там, на последней, страшной высоте,
В пустыне неба, над пустыней мира
Он кротко обучался пустоте.

Ему земного тела было мало, —
Он жил в рассеянном тепле дождя;
Душа его при Боге пребывала,
К нему, домой, почти не заходя.

Но все года, пронёсшиеся слепо,
Пока, покрытый струпьями, нагой,
Он устремлён был в огненное небо,
В нём своевольно возрастал Другой.

Был этот Некто расположен к чуду,
И звёзды в небе путь меняли свой,
И струпья превращались в изумруды,
И благовоньем становился гной.

А там, под ним, текли земные войны,
Вставали царства, падали цари,
Но это было мелким, недостойным
В сравненье с тем, что было *там*, внутри.

Над всем мирским, на самой грани рая,
Врастал он в огненное Ничего,
По мере силы Богу помогая
В последнем одиночестве Его.

Йог

Он много лет к себе был не готов.
Закрыв свои глаза от света плотно,
В себе он видел скопище животных,
Рабов, шутов, купцов, царей, богов.

Но он хотел узнать, пока живой,
Куда, минуя отдых, свет и тени,
Его сквозь холод перевоплощений
Гнал некий страх – слепой, дородовой,

И с малолетства, с дней своей весны,
Он закалял себя огнём и зноем,
Себя переплавляя в то, иное,
Чему ни смерть, ни время не страшны;

И, всматриваясь зорко в древний страх,
Сидел на берегу реки годами,
Следя остекленевшими глазами,
Как Ганга проплывает в небесах.

Он научился жить с собою врозь,
Класть плоть, как вещь ненужную, на полку,
И кулаки сжимал настолько долго,
Что ногти проросли сквозь кисть, насквозь.

А взгляд летал, от светлых глаз отпав,
В пространстве затихающего ветра,
Его, слепого, одаряя щедро
Бесславнейшей из всех бессмертных слав.

Он восседал, как кукла, обожжён
Палящим солнцем, выше славословий,
И сонмы предков в каждой капле крови
Молчали, глядя, как моргает он.

Рубаи мои

* * *

Благодарна толпа за подаренный грош,
А отдашь ей всю жизнь – не заметит: «И что ж?»
Словно деньги, себя сосчитал я прилежно,
Так потрать меня, Господи, так, как сочтёшь!

* * *

Все цветы в этом мире цветут – для меня.
Солнце утром встаёт над землей – для меня.
Для меня без меня всё вокруг происходит,
Значит – нет человека беднее меня.

* * *

Или чашу вина, иль меча острёе —
Все, кто ищет, судьба преподносит своё.
Тот, кто быстро идёт, за судьбой не поспеет,
Тот, кто тихо шагает, обгонит её.

* * *

Душу жжёт всемогущий коварный огонь.
Да, мне больно. Но пламя живое не тронь!

Чем сильнее я сгораю, тем ближним теплее.
Тёплый пепел мой Богу согреет ладонь.

«У каждого свой Бог...»

У каждого свой Бог.
У каждого свой Суд.
Но люди из всех эпох
Судьбы на Суд несут.

У каждого свой ад.
У каждого свой рай.
Повесься иль будь распят —
Изволь, поэт, выбирай!

Осина, цикута, крест,
Отрава, петля, костёр...
Одна нам благая весть:
Не нам завершать сей спор —

Спор памяти и судьбы,
Спор ада и горних сфер...
Рабы мы иль не рабы?
Чья лучше — из сотни вер?

Уверуй, трудись, молись,
Воскресни, опять умри...
Но тянет благая высь,
Но манит огонь зари!

Мы ищем в беде побед,
Плывём по течению спин...
У каждого – личный свет.
А мрак, он на всех – один.

О розах и ещё о чём-то

Не дорожи, поэт, любовью народной,
Ведь ни одна звезда не говорит
Моим стихам, родившимся так рано,
Что голос вопиющего в пустыне
И гений, парадоксов друг извечный,
Считали пульс толпы и верили толпе.
Умолкла муза мести и печали,
Но выхожу один я на дорогу
Поэзии таинственных скорбей...
Когда бы грек увидел наши игры!
Всё перепуталось, и некому сказать:
«Как хороши, как свежи были розы»...

О себе

Жизнь моя – всеми цветами сразу горящий светофор.

Пушкинский венок

Шестикрылый серафим

Бесплоден был твой нищий пыл,
Которым тешил ты гордыню,
Но я, прозрачен, шестикрыл,
Сошёл к тебе в твою пустыню.

Я снизошёл к твоим мольбам,
К избытку твоего сиротства,
И дал твоим пустым словам
Мощь собственного первородства.

Я чуть коснулся лба крылом,
Пронзив твой мозг огнём озноба,
И опаляющим огнём
В мозгу запечатлелась злоба.

Я бросил взор к тебе в глаза,
Как равный – равному, как другу, —
И в них обуглилась слеза,
И стал, пылая, видеть уголь.

Моя прозрачная рука

Коснулась губ твоих устало —
И пламя вместо языка
В гортани смертной заплясало.

Я дал тебе свои глаза,
Отдал тебе свой слух и силу —
Чтоб понял ты, что знать нельзя,
Чтоб мощь в тебе заговорила.

Ослепнув, огненным перстом
Коснулся я чела седого —
И ты издал протяжный стон,
Который обратил я в слово.

И грудь тебе я разорвал,
И злое сердце сжёг победно,
И в окровавленный провал
Вошёл незримо и бесследно.

Я страшный дар тебе принёс,
Я, вестник славы и обиды,
Я, в зрелости кровавых слёз
Убивший первенцев Египта.

...И ты восстал. И я без сил
Ушёл в огромный сумрак крови,
Струящийся меж тёмных жил,
К войне от века наготове.

Крест четырёх координат,
Не видимый обычным взглядам, —
На нём отныне ты распят,
А я – незримо плачу рядом...

Встань, пророк, гори, живи,
Казни царей нездешней вестью,
Неся в своей слепой крови
Слепота ангела возмездья!

Рыцарь бедный

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Страшной мыслью занятой.

Он имел в ночи виденье —
И, щитом закрывши грудь,
Сквозь века, сквозь поколения
Поскакал в бессмертный путь.

Весь в крови, густой, невинной,
Хитрым ворогам назло,
По равнинам Палестины
Мчался с саблей наголо.

Неподкупный, бледный, юный,
Веря строгим небесам,
Он сжигал Джордано Бруно
И сгорал с ним рядом сам.

Чтоб народ страною правил,
Чтоб весь год цвели поля,
Штурм Бастилии возглавил,
Обезглавил короля.

Видя в небе Божьи знаки,
Алый свет издалека,
Нёсся в газовой атаке
Впереди всего полка.

Бедный, бледный, бестелесный,
Отпускал ворах грехи,
Под бомбёжками пел песни,
Декламировал стихи.

На весь мир горланил речи,
В чёрной мгле искал путей,
Строил газовые печи,
Жёг в них старцев и детей.

Звонко распевая песню,
Голову совал в петлю,
Веря, что вот-вот воскреснет
И продлит судьбу свою.

Жил на свете рыцарь бедный,
Умирал и воскресал.
Алым светом – всепобедным —
След сапог его сиял.

В диком упоенье боя,
В миг, когда он убивал,
Меч руководил рукою,
Панцирь телом управлял.

Но в тиши исповедальной,
Снизойдя во тьму времён,
Всё безмолвный, всё печальный,
Ожидал знаменья он.

Рыцарь, что же вы молчите?
Что ваш взор так хмур опять?
Славе с Болью – вашей свите —
Есть что вам о вас сказать.

Но туда, где райской дверью
Тучка рыжая горит,
Рыцарь смотрит, рыцарь верит,
Рыцарь плачет и молчит.

Или мозг устал пророчить?
Или кровь не горяча?
Рыцарь поднимать не хочет
Больше старого меча.

Слишком много в жизни дикой
Крови, боли и обид...
Только старый меч-владыка
Так же им руководит.

«В начале жизни школу помню я...»

В начале жизни школу помню я...
Мы там терпенье в классах проходили.
Там вёл меня сквозь холод бытия
Задумчивый учитель мой, Вергилий.
Второй учитель, господин Никто,
Не уважал многоречивых споров
И вёл меня, как через решето,
В заиндевевший сумрак коридоров.

Сам воздух, серый, чистый и стальной,
Учил нас строго, меря полной мерой.
Круги экзаменов, испуганные верой,
Послушно размыкались предо мной.
Манила темнота словесных чаш...
Казалось мне, что в жизни всё в порядке,
Что мир лежит, прохладен и манящ,
Как белизна нетронутой тетрадки.

Деревья в сером небе за окном
Ветвями знаки делали всё глуше,
И засыпали беспокойным сном
Порочные, живущие в них души.
И осень к нам обратной стороной
Оборотилась – пышно и нелепо,
И высилось над пошлостью земной

Стоическое северное небо.

Сбегая в небо, словно молоко,
Плыл колокольный звон в соседнем храме,
Но весело, безбожно и легко
Смеялся рыжий гравий под ногами.
И вечность рыжей, цвета кирпича,
Мне представлялась в дворике осеннем.
По серым стенам пролетали тени,
О чём-то вечном вкрадчиво шепча.

Начало жизни... Слёзы в уголке,
Тетради всмятку, порванные книжки
И кровь на отложном воротничке
Воспитанного, чистого мальчишки...
Моя любовь, моя Гиперборея —
Вкус крови на мальчишеских губах
И давний, дикий, дерзкий, детский страх —
Ушли в Ничто, как школьники, робея.

Иная жизнь, иной, неспешный быт,
Где ветер щебетал в деревьях тонко...
Я умер там — давно, ещё ребёнком,
И всё не смею смерть свою забыть.
Да, я уснул до сотворенья мира,
Вмёрз в эту осень, сырость, дождь и грусть,
В которой странно, холодно и мило,
И никогда, возможно, не проснусь.

Заклинание

Ночь, как змея, меняет кожу,
Кровь лунная не горяча,
И жизнь случайного луча
На жизнь твою, мой друг, похожа.
Звёзд золотистая орда
Мерцает подо мной уныло,
И я зову тебя, Леила:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

С тех пор, как умер я, прошло
Немало лет, а ты всё так же
Живёшь всему и всем назло,
Не принимая лжи и фальши.
Ты так же медленна, горда,
Бесстрастны все твои движенья...
Мне нестерпимо быть виденьем,
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Носимый ветром, как листок,
Я не пойму, что стало с нами?
Я позабыл твоё лицо,
Украденное зеркалами.
Несусь без цели, без следа,
Не червь, не бог, не прах, не небо,
Зову – зверино, дико, слепо:

Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Из фотографий я ушёл,
Мои признания часто грубы,
Но стих, как греческий обол,
Бесплотнo холодит мне губы...
В простое слово: «*Ни-ко-гда*» —
Как будто в каплю, я вместился,
Но мир в той капле отразился...
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Буря мглою

Буря мглою небо кроет,
Буря смотрит сотней глаз,
Снежные хоромы строит,
Разрушая их тотчас;
Вороном стучит по стенам,
Бесами кружит в окне,
И от воплей их бессменных
Тягостно тебе и мне.

Бездна нам разверзлась ясно;
В небесах горят костры;
То возносятся, то гаснут
В небе звёздные миры;
Домик наш в снегах затерян,
Осаждают нас века.
Мы – вдвоём, и путь наш – верен.
Хочешь? – вот моя рука.

Петь не надо; я от песен
Утомился и ослаб;
Я себе неинтересен,
Как больной, усталый раб.
Нет, я мудрых слов не знаю,
Ни пророчеств, ни причин;
Лучше помолчим, родная,

Посидим и помолчим.

Помолчим о самом главном,
О своём, о прожитом.
Вспомним, как жилось нам славно
В этом космосе пустом.
Небо всполохами крася,
Мчится ввысь Полярная звезда;
Мир молчит, угрюм и ясен,
Словно в первый час Суда.

День придёт, – истлеет семя,
Брошенное нам в сердца,
Кончатся пространство, время,
Всех нас примет дом Отца.
Там друзей увидим лица,
Вечно полные тепла;
Там spoёшь ты, как синица
Тихо за морем жила.

Буря мглою небо кроет,
Буря смотрит сотней глаз,
Буря ад над нами строит,
Предначертанный для нас;
Домик наш в снегах затерян,
Но тепла твоя рука,
И наш путь угрюм и верен,
Как старинная строка.

Бесы

Мчатся тучи, выются тучи,
Пляшут быстрые лучи.
Небо бьётся, как в падучей,
Звёзды – как огни в печи.
Мчатся бесы, выются бесы,
Пляшут, мечутся, плюют...
Сани по Руси небесной
Тело Пушкина везут.

Мимо площади Сенатской,
Мимо высей Машука
Мчится конь наш залихватский
Сквозь эпохи и века.
Буря мглою небо кроет,
Все дороги замело...
– Что вы, барин? – Бог с тобою!
Просто сердцу тяжело.

Громко цокот раздаётся,
Будто всё кругом мертво...
Конь летит, бубенчик бьётся
По-над холкою его...
– Скоро ль дом? – Не знаем сами!
– Ждут ли нас? – Должно быть, ждут!
Вечно по России сани

Тело Пушкина везут.

Гулко цокают копыта
По теченью наших спин...
И молчат, во тьме забыты,
Мёртвый дом и Сахалин.
Вся земля дрожит от гула,
У коня горит зрачок...
Вон Астапово мелькнуло,
Знать, конец уж недалёк...

Ни огня, ни слёз, ни веры, —
Крики, брань, кабацкий мрак...
Только возле «Англетера»
Спотыкнётся вдруг рысак...
— Скоро ль, братец? — Недалечко!
Только выедем с земли...
Лишь мелькнёт Вторая Речка
Там, за вечностью, вдали...

Больше нет на белом свете
Ни чудес, ни естества:
Наша жизнь — огонь да ветер,
Да слова, слова, слова!
Скачка, скачка без запинки,
Без кнутов, без шенкелей...
Пушкин... Лёгкая пушинка,
Что небес потяжелей!

– Ждут нас? – Барин, всё в порядке!
Ждут покойнички гостей,
Всё отдавши без остатку
Да раздевшись до костей.
Плачут, пьют, тревожат бога,
Огоньки в глазах горят...
Бесконечная дорога
В рай бежит сквозь самый ад!

И ни песенки, ни сказки...
Мчатся кони день за днём...
– Я устал от этой тряски...
Скоро ль, братец, отдохнём?
...Полузвери, полубоги,
Мчатся тени – их не счесть...
– Скоро ли конец дороге?
– Барин, не серчай! Бог весть!

Другу стихотворцу

Арист, ты говоришь, что стих – твоё спасенье,
Превыше всех трудов, превыше всех наград,
Терновый твой венец, и крест, и воскресенье,
И суд, и сад, и ад.

Ты памятник себе воздвиг огнеупорный
Из слухов, хитрой лжи, хвалы и клеветы,
И если кто-то мог писать о ясном спорно,
То это – только ты.

Высокопарный вздор комедий и трагедий
Ты претворил в судьбу, и в ней тебе везло:
Так! – Ты умеешь всех презрительней на свете
Встречать добро и зло.

И твой любимый бес, сухой и моложавый,
Непринуждённость в хитрой выдумке любя,
Всё ходит за тобой, как арендатор славы,
И мучает тебя.

И долго будешь тем известен ты народу,
Что всех изысканней язык ты искажил.
У музы у твоей всё ярче год от году
Блеск стрекозиных крыл.

Господь тебя слепил из глины мокро-зыбкой,
Чтоб научился ты, презрительность любя,
По-чаадаевски, с язвительной улыбкой
Плыть поперёк себя.

...Не тот поэт, Арист, кто рифмы плесть умеет,
Кто в словоблудии сумел достигнуть дна,
А тот, кто, став бессмертным, не жалеет,
Что жизнь – всего одна.

Вереск цветёт

1 января 2017 года

Январский день настал. Кругом бело.
Бело в окне морозное стекло.
За ним белеет тучный небосвод.
За ним белеет тощий новый год.
Белы деревья, тропы и кусты.
Белы дома, дороги и мосты.
Белы пути во тьму из пустоты.
Белы Иуды, Савлы и Христы.
Белы стихи, что я сейчас пишу.
Белёс и воздух, коим я дышу.
Белеет свет, белеет даже мрак.
Белеют тишина и лай собак.
Прохожие белеют за окном.
Белеют вера, родина и дом.
Белеет смерть. Белеет белизна.
Бела зима. Белым-бела весна.
Бел новый год, и век, и тыща лет.
На белизне не виден белый след.
Внутри меня, в груди – белым-бело.
Мне в белизне бездомно и тепло.

Белеет Бог. Белеют рай и ад.
Белеет луч, не знающий преград.
И призрак, проходящий по домам,
Не доверяет нашим белым снам.
Он ищет в нас хоть каплю черноты,
Чтоб подчеркнуть неявные черты
Отличия любого от любых,
Что делают из нас людей живых.
Он бродит по белёсой пустоте,
Он ищет яви в призрачной мечте.
Он заблудился в нас. Он не найдёт
От нас ведущий к Богу чёрный ход.

Завален чёрный ход. И бел сугроб.
Бела улыбка губ, бел нос и лоб.
Глядят на небо белые глаза.
Глядит из глаза белая слеза.
Всё замело. Всё скрылось. Всё ушло.
Во мне и за окном – белым-бело.
И белизна, скользя по белизне,
Тихонько шепчет мне о той весне,

Когда проснётся спящий в людях Бог
И в пустоте напишет первый слог.

Ничто

Улица не шелохнётся,
В небе – тихая луна.
Где-то шёпот раздаётся.
Высь воздушная темна.
Всё на свете непреложно,
Тихо, мирно и несложно,
Нами небо занято...
Вдруг – над нами раздробилось,
Разыгралось, раскатилось,
Зашумело, заискрилось
Многоликое Ничто.

Топчут ноги, брызжет хохот,
Но не видно ничего.
На пустой дороге – топот,
Сердце живо и мертво...
Обло, дико и стозевно,
И не нежно, и не гневно,
Чем-то высшим занято,
Многоруко, многоного,
По семи земным дорогам
Скачет гулкое Ничто.

Кличет, мается и ранит,
Рвёт сердца, дробит мечты,

Манит, тянет и буянит
Пустота средь пустоты...
Ложь – прельстительная сила,
Жизнь полна, как решето.
Много нам судьба дарила,
Да не то, не то, не то!

Снова – тихая дорога...
Где-то огоньки горят,
Плачут, ждут, тревожат бога,
Всё о чём-то говорят...
Ночь тиха. Не дышит ветер.
Ни за что мы не в ответе.
И прожить бы лет так сто...
Что за чудо – тишь на свете,
Только слышно, как к планете
Приближается Ничто.

Вереск цветёт

Стихи, пришедшие во сне

Я увидел во сне поле в синих лучах,
Я увидел: во мне загорелась свеча,
Я увидел цветы, я увидел восход
Над простором, где вереск весною цветёт!

Нет, не зря мы старались, сгорали и жгли:
Наши зёрна сквозь время в простор проросли.
Окупись, словно поле, в лиловый огонь
И на синее солнце взгляни сквозь ладонь.

Что случилось? Куда ты умчалась, тоска?
Всё, как прежде: эпохи свистят у виска,
Но воскресшие души глядят из цветов
Прямо в сердце моё, где из пламени – кровь!

Земляником покрыт край молочной реки,
И в цветах открываются чудо-зрачки:
Инфракрасные Божии смотрят глаза
Из цветов – сквозь меня – сквозь любовь – в небеса!

А давно ли вставал я, как дым, из земли
И во мне, словно пули, гудели шмели?
Но Господь, как ладонь, аромат мне простёр

И цветами озвучил бессмертный простор.

Это вереск цветёт, это вереск цветёт,
Это хрупкий сквозь землю пророс небосвод,
Это нота, которую слышал Господь,
Обрела на мгновение душу и плоть.

Это вереск цветёт! Это вереск цветёт!
Вслед за полем цветами порос небосвод, —
Сад на небе, где радостью стала печаль,
Где мой голос воскресший вживается в даль!

Расцветай, отцветай, сад на небе моём,
Проплывай, аромат, в небесах кораблём,
Знай, любовь, — я с тобой, если небо нас ждёт,
Если вереск в словах и созвучьях цветёт!

Ночь на озере

Небо черно, словно шкурка крота,
Звёзды подобны росинкам на шерстке.
Озеро тихо. Кругом – темнота,
Только в воде звёзд рассыпана горстка.

Слышно, как где-то протяжно и тонко
Песню последнюю спел соловей.
Ветер, как мягкая лапа котёнка,
Нежно касается кожи моей...

Тлеет луна закоптелым огарком,
Веет покоем от стынувших вод...
Грудью малиновки, алой и яркой,
Солнце над озером завтра блеснёт!

Вкус земляники

(гекзаметр)

Зелень заполнила сад, прихватив даже неба кусочек.
Чаша пространства полна блеском и щебетом птиц.
Ягоды сочно алеют на лучезарной лужайке,
Алость зари в их крови землю насквозь проросла.
Ягоду пробую я, имени сочно лишая,
Чувствую сладостный вкус — спорят во рту жизнь
и смерть.

Там, где родятся слова, ягода плоть потеряет,
Душу иную найдёт, в теле не развоплотясь.
Жизнь — круговерть перемен, путь из утробы в утробу.
Но не ужасен сей путь, а вечно радостен нам.
Всё, что цветёт и растёт, увлажнено слёзной влагой
Тех, кто ушёл, кто с землёй слился и почву живит.
К нам обращают они речь в каждой ягоде новой:
Цвет превратился во вкус, вкус превратился в меня,
Я превращаюсь в стихи, в музыку, в блики рассвета...
Всё это — я, всё — во мне, Слово — в начале всего.
В музыке музыка, в запахе запах, а в цвете оттенок —
Ягода вкусом в сознание сочный рисует пейзаж.
Я говорю о плодах, вкусе и сочности жизни...
Дай же мне, Господи, сил воспеть его — вкус земляники.

Последнее тепло

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.